

К счастью, он был слишком пьян и не собирался ничего серьезного делать, просто катался со мной по полу. При этом он бормотал что-то по-французски, я пытался разобрать, но, одновременно стараясь удержать свою одежду, ничего не понял.

Я толкнул его за плечо:

— Андрей? Андрей, ты в порядке?

— Брат!

Он прижался ко мне и начал неумело, как щенок, кусать и облизывать мои губы.

— Ммм... Не надо...

Я попытался отстраниться, но, повернув голову, почувствовал, как его лицо прижалось к моей шее, и ощутил влажность.

— Ты плачешь? Андрей? Что случилось? Брат здесь, не бойся.

Я нащупал его лицо и подержал его в руках, он всхлипнул, его ресницы, как щеточки, мягко коснулись моих ладоней, и я почувствовал холодные слезы. Хотя я не видел, но от такого мягкого прикосновения мое сердце растаяло:

— Кто бы ни был здесь, брат защитит тебя, хорошо?

— Брат.

Я проснулся, все еще ничего не видя, но вес на моих ногах был очень ощутим.

Я покачал головой, чтобы прийти в себя, и вспомнил, что произошло. Андрей слишком много выпил и все время возился со мной, я был вынужден успокаивать его, пока он не заснул у меня на коленях.

Я был измотан после целого дня, и сам уснул, прислонившись к кровати.

— Ты проснулся? — Я только протянул руку, как он схватил ее. — Андрей? Тебе лучше?

Его мягкие губы коснулись моего лба, затем медленно спустились по переносице, нежно целуя меня. В комнате было душно, мои щеки невольно покраснели, и в темноте я не сразу оттолкнул его, а, наоборот, был тронут этим поцелуем.

Палец Андрея оказался между нашими губами.

Он говорил медленно, я вспомнил, как он только вернулся в страну и притворялся, что не знает китайского, растягивая слова:

— Брат, можно я поцелую тебя?

— Ты...

Не дожидаясь моего ответа, он быстро убрал палец и поцеловал меня.

Простой поцелуй, как перышко, легкий и неглубокий. Мои щеки горели, сердце защемило, и все моральные принципы и сдерживающие факторы мгновенно улетучились.

— Мы никогда не расстанемся, — его другая рука переплелась с моей. — Никогда...

— Хорошо.

Я почувствовал, как меня переполняет тяжелое чувство, ощущение, что тебя любят и в тебе нуждаются, было так приятно и успокаивающе. Внутри загорелся огонек, и тело больше не было холодным.

Мне вдруг очень захотелось увидеть лицо Андрея, его блестящие глаза и его поразительную красоту.

Но в этот момент видеть или не видеть... казалось, уже не так важно.

— Что ты делал сегодня днем, запираясь в комнате? — Я на ощупь дотронулся до его лица, откинул прядь волос за ухо, неосознанно повторяя это движение, как будто успокаивая большую собаку. — Расскажи брату.

Андрей прижался лицом к моей ладони:

— Я все время вспоминаю... детство.

— Что именно?

— Многое, — от него все еще слегка пахло алкоголем, смешанным с ароматом роз в его волосах, что вызывало у меня сухость во рту. — Мама любила рисовать в саду.

— Ты мне рассказывал.

— Ей нравились совершенные вещи, и она хотела их запечатлеть.

Мой палец дернулся, я, конечно, знал, что мама любила совершенство, и именно поэтому она так ненавидела меня — несовершенное, греховное создание. Я тихо спросил:

— Что еще?

Дыхание Андрея участилось, он, казалось, о чем-то думал. После паузы он сказал:

— Ничего.

— А?

Меня это удивило, ведь он явно начал что-то говорить, но вдруг оборвал. Я хотел спросить, почему, но он внезапно взял в рот кожу на моем горле и начал сосать, мой голос задрожал:

— Андрей?

Он отпустил:

— Брат, у тебя тут, кажется, родинка, маленькая.

— А, знаю, — мое лицо мне не нравилось, и я хорошо знал все его недостатки. — Она не очень заметна, если носить высокий воротник, ее не видно.

Андрей пробормотал:

— Ты тоже несовершенный.

— Конечно, кто может быть по-настоящему совершенным? — Это звучало смешно, я не злился, просто был смущен. — У тебя что, нет ни одной родинки или шрама?

— ...Нет, — Андрей внезапно сказал. — У меня их нет.

— Правда?

Когда мы занимались любовью с Андреем, я действительно думал, что он безупречен, как ангел, его кожа была гладкой и нежной, и я знал, что его красота была безупречна, но не обращал внимания на такие мелочи.

— Мама заставила врачей удалить все мои родинки, — он сказал. — И у меня никогда не было возможности пораниться.

— Это совершенно не нужно... Зачем мама это сделала?

Он спокойно ответил:

— Я был единственным, кого она позволяла использовать как модель для своих картин.

Это звучало довольно жутко.

Я хотел спросить еще, но Андрей больше не стал развивать эту тему:

— Брат, останься сегодня ночью в моей комнате? Кстати, твое лекарство здесь.

Его слова напомнили мне:

— Черт, я столько времени провел с тобой, а лекарство еще не принял! Который сейчас час?

— Неважно... То есть, несколько часов не так уж и повлияют, — Андрей отпустил мою руку, и мне стало немного грустно. — Я позову экономку, чтобы принесла воды.

— Будь осторожен, в следующий раз не пей так много, — я все еще с содроганием вспоминал тот укол. — И еще, Андрей, я тогда наткнулся на иголку? Почему у тебя в комнате такое есть?

Он уже открыл дверь, свет из коридора влился в темную комнату, и в моих глазах все слилось в яркое пятно:

— Это нож для резки бумаги.

— Не забудь убрать его, а то поранишь себя.

— Угу, — он кивнул. — Понял.

После переезда в комнату Андрея время стало проходить легче.

Время открытия выставки приближалось, хотя большая часть работы уже была завершена, но некоторые детали нужно было уточнить на месте. С Андреем в качестве помощника мне было гораздо проще справляться с делами.

Во-первых, я доверял его вкусу в оформлении, и если он говорил, что все в порядке, то ошибок

быть не могло. Во-вторых, у Андрея были уникальные взгляды на многие вещи, и, когда я проводил телефонные конференции с Тан Мо, он большую часть времени молча слушал, лишь изредка вставляя ключевые замечания, что вызывало у Тан Мо восторг.

По сравнению с выставкой и аукционом, где я хотел лично контролировать каждый шаг, банкет меня не так волновал. Ведь выставка была ориентирована на широкую публику и определяла влияние и известность компании, а также возможность успешного перехода к молодежной аудитории.

А банкет был более частным мероприятием, больше похожим на светский прием.

Перед банкетом несколько важных гостей произнесли речи. Основным выступающим был отец Ян Чэня, затем выступил Сюй Юйчэн как глава компании. Мне нужно было просто стоять и обмениваться парой слов с гостями, наблюдая, как Сюй Юйчэн блистает. С моими проблемами с глазами, я, вероятно, даже мог бы пропустить светские разговоры.

Тан Мо спросила, хочу ли я добавить свое выступление, но я сразу отказался:

— Я не такая уж важная персона, что мне говорить?

— Но вы же отвечали за весь проект выставки, пара слов была бы уместна, — она сказала. — Думаю, Президент Сюй не будет против.

— Дело не в том, против он или нет. В подобных ситуациях больше не спрашивайте об этом.

Не дело в том, против Сюй Юйчэн или нет... Просто в таких ситуациях, где он расширяет свои связи и демонстрирует свои способности, я не могу и не должен отнимать у него внимание.

Если бы не Сюй Юйчэн, у меня бы даже не было возможности участвовать в таких проектах. Он не раз говорил мне, что важно не то, получишь ли ты одобрение других, а то, развиваются ли твои собственные способности.

Преподнести ему самые сладкие плоды было моей прямой обязанностью.

Завтра наступил день, когда все наши усилия должны были окупиться. Закончив разговор с Тан Мо и уточнив последние детали, я расслабился и почувствовал, как все тело ослабло.

Андрей спросил:

— Брат, закончил?

— Да, все почти готово. Спасибо, что помогал мне все эти дни.

Мое зрение не улучшалось, и я по-прежнему видел все размыто.

<http://bllate.org/book/16832/1548925>